

УДК 821.161

«СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ»: РЕЧЕВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ИДЕИ В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И А. А. БЛОКА

СУББОТИНА Марина Владимировна,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос о влиянии поэтического наследия М. Ю. Лермонтова на формирование идиостиля одного из самых ярких представителей Серебряного века – А. А. Блока. Сопоставление семантической структуры макрообраза *Родина*, лежащего в основе одной из основных модификаций мотива любви в лирике М. Ю. Лермонтова и А. А. Блока, позволяет убедительно продемонстрировать его аллюзивный характер в блоковских поэтических текстах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мотив, мотивный анализ, макрообраз, словесный образ, образ-интерферент, аллюзия.

“STRANGE LOVE”: VERBAL EMBODIMENT OF THE PATRIOTIC IDEA IN M. Yu. LERMONTOV’S AND A.A. BLOK’S LYRICS

Subbotina M.V.,

Cand. Filolog. Sci., Docent of the Department of the Russian Language
and Modern Russian and Foreign Literature

ABSTRACT. The article is devoted to the Lermontov’s poetic heritage influence on the idiostyle formation of one of the most illustrious representative of the Silver Age – Alexander Blok. Comparing the semantic structure of the macroform “Homeland”, which underlies one of the main modifications of the love motive in M.Yu.Lermontov’s and A. A. Blok’s the lyrics, the author proves convincingly its allusive character in the Blok poetry texts.

KEY WORDS: motive, motif analysis, macroform, word image, image-interferent, allusion.

М Ю. Лермонтов – знаковая фигура для русской поэзии Серебряного века, но наибольшее влияние, на наш взгляд, мятежная Муза великого поэта оказала на формирование и развитие индивидуального стиля А. А. Блока. Объективное представление о глубинных связях, существующих между поэтическими системами М. Ю. Лермонтова и А. А. Блока, может дать мотивный анализ художественных текстов, базирующийся на идее мотивного анализа смысла, предложенного Б. Гаспаровым. Сущность этого анализа состоит в вычислении и осмыслении мотивных ингридиентов в составе текстового целого, их сопоставления и взаимодействия.

Мотив любви к Родине – один из самых актуальных в русской поэзии. Не стало исключением и поэтическое наследие М. Ю. Лермонтова, в котором осмыслению патриотического чувства посвящены многие юношеские стихотворения, два итоговых шедевра: «Родина» и «Прощай, немытая Россия».

Это немодифицирующийся макромотив в поэтическом наследии Лермонтова, включающий в свое мотивное пространство такие модификации основных мотивов, как *путь цивилизации* (основной мотив – «путь»); субмотивы *детских воспоминаний*, *исторической памяти* (основной мотив – «память») и субмотив *любви – ненависти к России* (основной мотив – «любовь»). Кроме того, происхо-

дит частичная аппликация мотивного пространства «Родина» на мотивное пространство «покой».

Уже в ранней лирике Лермонтова формируются основные значения макрообраза Родина:

- 1) «земля, на которой родился, познал радость и страдание, обрел последнее пристанище»;
- 2) «близость к Богу, святость»;
- 3) «движение; устремленность вперед»;
- 4) «ностальгия по славному прошлому»;
- 5) «память о родном человеке»;
- 6) «беспредельность».

Семантическая составляющая «земля, на которой родился, познал радость и страдание, обрел последнее пристанище» воплощается в контекстах, насыщенных повторяющимся словесным образом *земля* и перифразами, определяющими осмысление этого образа в определенном выше философско-романтическом аспекте:

.... я родину люблю
И больше многих: среди ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшийся с *землей*,
Навеки прежний вид оставит свой.
[1, с. 231]

Дальнейшее развитие поэтической мысли приводит к возникновению чрезвычайно актуальной для Лермонтова эмотивной составляющей «*мучительная любовь – боль за свою землю*», которая находит воплощение прежде всего в амбивалентном словесном образе России – государства и России – родной

© Субботина М.В., 2017

Информация для связи с автором: subbo-igor@yandex.ru

земли. Уже в стихотворении 1829 года «Жалобы турка» сема насилия, произвола (злоба, стонет, рабство, цепи) тесно сплетена с семей тоски, разочарования (поблеклая, жизнь тяжка, безвременная тоска). Изотопия активного неприятия поддерживается метафорой («И рано гаснет в них добра спокойный пламень»), олицетворением («Где хитрость и беспечность злобе дань несут...»). Наконец, название стихотворения, его подзаголовок (Письмо. К другу, иностранцу) и постскриптум, указывая на инскапительный характер стихотворения, завершают формирование символического образа государства – тюрьмы, где человек лишен возможности свободного самовыражения.

В стихотворении «Прощай, немытая Россия...» (1841 г.) абстрактная лексика юношеской лирики сменяется конкретными номинациями основных общественных сил в стране: творящие произвол – мундиры голубые, паши, всевидящие глаза, все слышащие уши – им преданный народ. Антитеза «страна рабов, страна господ» актуализирует семантическую изотопию неприятия, даже ненависти к самодержавно-крепостническому государству.

Но почти одновременно с этим стихотворением Лермонтов создает свою «Родину» (1841 г.), в которой коннотативное наполнение словесного образа отчизна задано уже в первых строках:

Люблю отчизну я, но странную любовью!
[1, с. 323]

Это чувство мучительной любви, наперекор сознанию, вопреки рассудку, любви – ненависти станет связующей нитью между Лермонтовым и Блоком. Об этой «странной любви» пронизательно писал В. Г. Белинский: «Любить свою родину значит – пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому» [2, с. 235].

Исследователи не раз отмечали смыслообразующую роль пейзажа в лермонтовской лирике. Целый ряд юношеских стихотворений попросту построен на характерном противопоставлении: общественное зло – прекрасная природа родной земли («Прекрасны вы, поля земли родной» (1831 г.), «1831-го июня 11 дня» (1831 г.), «Кладбище» (1830 г.)). Пейзаж здесь отличается особой красочностью, что обусловлено активным употреблением колоративной лексики: «чернеет голая земля», «огнистые края», «зеленый мох», «между лиловых облаков», «алый день», «синий край земли», «серебряный ковыль», «березы... чернеют», «голубое небо», «снег летучий, сербристый» и др. Пейзаж, таким образом, является одним из важнейших средств выражения авторской концепции, а конкретные изобразительно-выразительные средства: эпитеты, метафоры, олицетворения – выявляют сверхэмпирические смыслы, заложенные в пейзаже.

Концептуальная функция пейзажа, несомненно, является определяющей и в стихотворении «Родина» (1841 г.): «... органическая природная жизнь России соединяется в сознании Лермонтова с русской деревней... Оказывается, именно крестьянин, именно деревенская Россия стоит ближе всего к природной жизни, а природная жизнь ярче и полнее всего воплощается в русской деревне» [3, с. 70]. Значимым представляется тот факт, что семантическое поле словесного образа «природа» неизменно переплетается с семантическим полем образа-интерферента «звон» (звук):

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает...
[1, с. 196]

Словесные образы семантического поля «звон» («колокола звон», «колокола монастыря», «зауныв-

ный глас») формируют вторую семантическую составляющую – «близость к Богу, святость».

Значение «движение, устремленность вперед» находит свое воплощение:

а) в словах с семантикой движения (путь, скакать, идут, встречать, движутся, движенье, мчатся, скачут);

б) в словах, значения которых образуют семантическое поле «бой, наступление» (пестрые уланы, боевые батальоны, батареи, фитили горят, полки могучи).

В стихотворении «Родина», которое можно назвать «квинтэссенцией» всех лермонтовских словесных образов, связанных с макрообразом Родина (желтая нива, чета белеющих берез, огни деревень), ощущение простора, беспредельности, мощи усиливается за счет присутствия таких словесных образов, как «лесов безбрежных колыханье», «разливы рек ее, подобные морям». В этом же стихотворении формируется символический образ движения, устремленности вперед («Проселочным путем люблю скакать в телеге...»), поддержанный своеобразной композицией стихотворения, при которой каждая строка, начиная со второй строфы, представляет собой новую картину, словно возникающую перед глазами путешественника.

Необходимо отметить, что в лирике Лермонтова выделяется целый ряд стихотворений, в которых мотив любви к Родине тесно связан с субмотивом исторической памяти. Семантическая линия этого плана тесно переплетается с темой битвы («Взгляни, там зареве краснеет: То битва семя смерти сеет»; «И он упал – и умирает Кровавой смертию бойца»; «Вам не видать таких сражений!» и т. д.). Семантическая изотопия гордости за славное прошлое Родины создается особым подбором лексики и фразеологии с высокой стилистической окраской («Отец твой стал за честь и бога...»; «Кровавый след ему дорога, Его булат блестит, как жар»; «Брада в крови, избиты латы»; «И вот на поле грозной сечи Ночная пала тень»; «сражен булатом»; «И клятву верности сдержали...»). Кроме того, в формировании значения «ностальгия по славному прошлому» активное участие принимают словесные образы-топонимы, называющие места, с которыми связаны славные страницы русской истории: Москва, Бородино, Новгород.

В сознании русской языковой личности Москва – это не просто столица, а воплощение русского духа, святыня, хранительница отечественной истории. Кремль – Москва – Родина – такое символическое уподобление обнаруживаем в ряде стихотворений Лермонтова. Семантический комплекс сопутствующих слов (гордая простота, царь, великан, священный блеск твоих седин) передает чувство сыновей любви, гордости русского патриота, искреннее восхищение. Символом России выступает Москва и в стихотворении «Бородино» (1837 г.):

И молвил он, сверкнув очами.
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
[1, с. 24]

Сложная семантическая структура символа память наряду с указанным выше значением (память историческая) включает в себя чрезвычайно важное для Лермонтова значение «память о матери». А в упомянутых выше стихотворениях «Прекрасны вы, поля земли родной...» (1831 г.), «Я видел тень блаженства...» (1831 г.) формируется значение «память

об отце», при этом в стихотворении «Ужасная судьба отца и сына...» (1831 г.) мотив памяти частично совмещается с субмотивом родственной души. Изотопию духовной близости, родства душ формирует прежде всего равноотнесенная и к лирическому «я» и к лирическому «ты» пропозиция: «Ужасная судьба отца и сына Жить розно и в разлуке умереть, И жребий чуждого изгнанника иметь На родине с названием гражданина!», поддержанная сравнением: «Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец...». Последовательный переход от личных местоимений единственного числа я – ты к объединяющему мы – а затем к местоимению – числительному оба, в семантике которого актуализирован смысл «одно целое, единое» также способствует возникновению в контексте стихотворения указанной семантической изотопии.

Именно в значении «память об ушедшем отце» символ память и его семантическое поле активно взаимодействует с образом-интерферентом земля:

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебристый
И для страны порочной слишком чистый
Не веселит мне сердце никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.
[1, с. 226]

Это взаимодействие создает новое значение в семантической структуре макрообраза Родина – память о родном человеке.

Наконец, значительная роль в формировании семантической структуры макрообраза Родина принадлежит словесному образу-интерференту «степь» (поле), в котором конкретизируется значение «бес-предельность»:

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря...
[1, с. 232]

Это значение чрезвычайно важно для понимания отношения между русским народом и государством. По авторитетному мнению В. О. Ключевского, организация на огромных пространствах жизнеспособного государства требовала от русского народа самоотречения и жертв, но необъятные просторы в то же время «охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. <...> Всегда слишком полагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает, отождествляет он свою мать – землю с Богородицей и полагается на ее заступничество» [4, с. 173-174]. Отсюда – особое отношение русского человека к родной земле как к матери или как к жене. Первое выразил М. Ю. Лермонтов: «Москва! Москва! Люблю тебя, как сын...»; второе – А. А. Блок.

В поэтическом творчестве А. Блока макрообраз Родина получает дальнейшее развитие: уже в стихотворениях второго тома лирики «Пляски осенние» и «Русь» формируется семантическая составляющая «тайна, непостижимый идеал», которая репрезентируется через целую систему образов, где ведущая роль принадлежит символическому образу «сон», семантическую структуру которого образуют следующие семантические составляющие:

1) состояние покоя, осмысливающееся поэтом как естественное историческое бытие народа; иконный, «естественный» Идеал настоящей жизни;

2) провидение, средство приобщения к извечной загадке, имя которой – Русь;

3) надежда на грядущее пробуждение (см. стихотворение «Русь»).

Значение символического образа сон усиливается за счет использования непосредственно выраженного слова – образа тайна, контекстуально связанного с ним:

Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.
[5, с. 99];

а также словесными единицами, входящими в состав одноименного семантического поля: колдун, ведуны с ворожеями, ведьмы, черти. При этом в семантической структуре макрообраза Родина сохраняются наиболее важные аллюзивные составляющие и прежде всего – эмотивный компонент «мучительная любовь – боль за свою землю».

В стихотворении «Грешить бесстыдно, непробудно...» (1914 г.) словесный образ Россия метафоричен: ряд слов из лексико-семантического комплекса родина (родная земля, «малый дом») создает картины устоявшейся, веками неизменной, бесцветной жизни: заплеванной пол, бедный и зацелованный оклад, голодный пес, пузатый комод.

Этот лексико-семантический ряд связан с другим, передающим ощущение сонного застоя, «болота»: хмель, трудная голова, тяжелый сон, перины пуховые. Бытовые, «приземляющие» детали, меняющие друг друга в построенном на основе периода стихотворении, характеризуют основные и наиболее отвратительные черты «свиного лица» России, о котором Блок писал в письмах к матери по возвращении из-за границы.

Тем неожиданнее звучит признание, передающее то сложное чувство любви – ненависти, которое вырастает из всего контекста лермонтовского творчества:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.
[5, с. 174]

В формировании семантики макрообраза Родина значительную роль играет словесный образ пляски, который вкупе с символическим образом «буйные вьюги» способствует возникновению типично блоковской семантической составляющей макрообраза Россия – стихийность:

Под праздник другим будет сладко,
Другой твои песни поет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.
[5, с. 222]

В цикле «Заклятие огнем и мраком» обрисован образ Руси – женщины (стихотворения обозначены номерами 8, 9, 10), в формировании которого значительную роль играют фольклорные словесные образы [6, с. 89]. В более поздних стихотворениях лирическое «Ты» персонифицируется в образе Руси – Невесты, Жены:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

[5, с. 158]
Черный уголь – подземный мессия,
Черный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

[5, с. 171]

Б. И. Соловьев писал об этом: «Так в грозах и бурях революции родина открылась поэту как самое близкое и дорогое, что есть в жизни, как мать, невеста, жена, и его обращения к ней отныне приобретают характер страстных излияний такой любви, в свете которой меркнет и перегорает все мелкое, ничтожное и остается только то, что неподвластно угасанию» [7, с. 435].

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех стихотворениях цикла «Родина», в формировании семантики одноименного макрообраза большую роль играет словесный образ – интерферент степь (поле), реализующий значение «беспредельность», указанное выше в лермонтовских контекстах:

Ну что ж? Одной забытой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты все та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...
[5, с. 162]

Уже упоминавшееся выше значение «близость к Богу, святость» находит свое воплощение прежде всего в словах с семантикой звучания, аналогичных тем, которые были отмечены в поэтических текстах Лермонтова:

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами – кресты да кресты...
[5, с. 170]

Кроме того, это значение эксплицируется в многочисленных словах-образах семантического поля «религия»: кресты, час заутрени пасхальной, лик нерукотворный, сельская церковь, риза, бог, праздник великий и др.

Исследователи не раз обращали внимание на народнопоэтические и архаические образы циклов «Родина», «На поле Куликовом», тесно связанные с темой исторического прошлого Руси [6, с. 102-104]. Словесные образы, формирующие лексико-семантическое поле «битва» (кровь, княжеская рать, ханской сабли сталь, стрела, светлый стяг, стальной меч, пыльная кольчуга, полки, поганая орда, воин и др.) соседствуют с речевыми средствами народнопоэтического происхождения: лексикой (зачало, рубить сруб, голосить, кликать, сгинуть, маяться, разбойная краса и др.); тропами («сруб горючий», «мох сырой с обрыва виснет, Как ведьмы обитая Кудель»; «А Непрядва убралась туманом, Что княжна фатой»; «плат узорный»); фольклорными словами – символами (горючий белый камень, князь, княжна, лебеди, ночные птицы). Фольклоризм упомянутых выше циклов представляет собой одну из основополагающих примет индивидуального стиля Блока, а фольклорные образы вкупе с традиционной фразеологией (святое знамя, за святое дело мертвым лечь) и церковнославянской лексикой (ранняя обедня, лик нерукотворный) формируют так же, как в лермонтовских текстах, семантическую изотопию гордости за славное прошлое России. Следует отметить, что у Блока в формировании семантической составляющей «память о славном прошлом», которую можно считать вариантом лермонтовской составляющей «ностальгия по

славному прошлому», тоже участвуют словесные образы – топонимы (Непрядва, поле Куликово, Дон), называющие географически локализованные точки, имеющие для русского самосознания некое мистическое значение.

Словесный образ Кремля возникает у Блока только однажды, в стихотворении «Утро в Москве» и, помещенный в лексико-семантический ряд, связанный с образом возлюбленной, утрачивает традиционные символические значения, актуальные для Лермонтова (сердце России, слава, святыня) и становится знаком восторженного состояния души поэта:

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро – как прелесть твоя.
[5, с. 122]

Макромотив Родины в лирике Блока тесно связан с мотивом пути. Многие стихотворения третьего тома строятся на иносказательном образе пути или полета.

Так, в стихотворении «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» на пересечении лексико-семантического ряда «путь» и лексико-семантического ряда «полет» (степная даль, степной дым, ковыль, версты, кручи – стрела, летит, мелькают, несется) возникает символический образ пути – полета, неудержимого порыва вперед. Словесный образ Русь, помещенный в такое лексическое окружение, приобретает космическую масштабность.

Кроме того, в стихотворениях Блока обнаруживается и традиционно-романтический символ даль, о котором Ю. В. Манн, анализируя стихотворение В. А. Жуковского «Невыразимое», писал: «... даль понимается романтизмом именно универсально, как всепробуждающая стихия времени и пространства» [8, с. 26]. Смысл, который реализуется в поэтическом тексте Блока, тоже можно определить как романтическую устремленность вперед:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка...
[5, с. 162]

Таким образом, в результате использования традиционно-романтического символа даль (простор) и сформированного в подтексте стихотворного цикла «Родина» символического образа пути – полета рождается еще одна семантическая составляющая «движение, устремленность вперед».

Проведенный анализ дает возможность сопоставить семантическую структуру макрообраза Родина в поэтических текстах Лермонтова и Блока:

Лермонтов	Блок
1. земля, на которой родился, познал радость и страдание, обрел последнее пристанище;	1. тайна, непостижимый идеал;
2. память о родном человеке	2. стихийность;
3. близость к Богу, святость;	3. близость к Богу, святость;
4. движение, устремленность вперед;	4. движение, устремленность вперед;
5. ностальгия по славному прошлому;	5. память о славном прошлом;
6. беспредельность.	6. беспредельность

Поскольку четыре из шести семантических составляющих, выделенных нами, (с небольшими вариантами) совпадают, мы можем говорить об аллюзивной природе макрообраза Родина в поэтических текстах А. Блока, а это еще раз подтверждает

справедливость суждения о том, что словесная презентация одноименного мотива в лермонтовской лирике «разными ее гранями уже предвосхищала творчество Блока, поэзию двадцатого века» [9, с. 298].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений: в 4-х т. [Текст] / М. Ю. Лермонтов. — М.-Л. : Гослитиздат, 1948. — Т. 1.
2. Белинский, В. Г. Статьи о классиках [Текст] / В. Г. Белинский. — М.: Художественная литература, 1970. — 605 с.
3. Коровин, В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова [Текст] / В. И. Коровин. — М.: Просвещение, 1973. — 288 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов.— М.: Академический Проект, 2004. — 982 с.
5. Блок, А. А. Собр. соч.: в 6-ти тт. [Текст] / А. А. Блок. — М.: Правда, 1971. — Т. 3.
6. Соколова, Н. К. Поэтический строй лирики Блока [Текст] / Н. К. Соколова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. — 114 с.
7. Соловьев, Б. И. Поэт и его подвиг. Творческий путь Александра Блока [Текст] / Б. И. Соловьев. — М.: Советская Россия, 1973. — 749 с.
8. Манн, Ю. В. Поэтика русского романтизма [Текст] / Ю. В. Манн. — М.: Наука, 1976. — 376 с.
9. Лермонтовская энциклопедия [Текст] / под ред. В.А. Мануйлова. — М.: Сов. энц., 1981. — 298 с.